РАЗДЕЛ II

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

УДК 801.81-051Худяков:398.21(571.56)(=512.1)
DOI: 10.32340/2514-772X-2020-1-28-32

И. Б. Каланчина

Центральная городская библиотека им. О. Бокея (Усть-Каменогорск, Казахстан)
nikitina_irina58@mail.ru

«НЕСКАЗОЧНАЯ» СУДЬБА СОБИРАТЕЛЯ СКАЗОК И. А. ХУДЯКОВА

Аннотация. Статья посвящена жизни и творчеству Ивана Александровича Худякова – фольклориста, этнографа, революционера. Собранный им материал лёг в основу сборников сказок, песен, загадок. Привлеченный по делу о покушении на Александра II, И. А. Худяков был приговорен к ссылке. В Сибири исследователь продолжил исследовательскую деятельность, изучая якутский фольклор. Тяжелые испытания способствовали его раннему и трагическому уходу.

Ключевые слова: Худяков Иван Александрович, революционер, фольклорист, этнограф, революционная деятельность, устное народное творчество, сказки, загадки, песни.

Нет таких людей, которые бы в детстве не любили слушать сказки, загадки, прибаутки, песни. С самого раннего возраста знакомство с устным народным творчеством даёт возможность познания жизни, человеческих взаимоотношений, вводит в мир литературы. Образец русских народных сказок явил сборник исследователя славянской культуры, собирателя русского фольклора Александра Николаевича Афанасьева. К сожалению, менее известен фольклорист, этнограф Иван Александрович Худяков, чьё имя больше ассоциируется с революционным движением 60-х годов XIX века. А ведь собранное им удивительное наследие в виде сборников сказок, загадок, песен является бесценным источником для изучения жизни дореволюционной России.

Известный этнограф, путешественник Александр Васильевич Адрианов вспоминал: «Я помню, как для меня, так и для многих моих сверстников, около половины шестидесятых годов «Великорусские сказки», собранные И. А. Худяковым, были одной из первых прочитанных нами книжек. Эти книжки переносили нас в родной нам мир. Они страшно возбуждали детский ум, возбуждали охоту к чтению. Детьми мы читали эти сказки, уезжая на вakat в деревню, к своим старым нянькам и мамкам, старикам и молодым, и увлекали их в сказочный мир, где так хорошо забываются горе, страдание и заботы повседневной жизни. А

виновник этого нашего неземного блаженства в это самое время нёс тяжелый крест, чтобы разыскать эту сказку, записать её и, наконец, сделать доступной для всех. Он был в то время студентом, и самым бедным среди беднейших» [1, с. 2].

Чтобы понять, почему И. А. Худяков оказался в столь бедственном положении, обратимся к его биографии. Будущий этнограф родился в Тобольской губернии в семье преподавателя. После окончания Ишимского уездного училища Иван Худяков стал учиться в тобольской гимназии. В своих воспоминаниях он писал: «В это время Западною Сибирью управлял полусумасшедший, невежественный генерал-губернатор Гасфорд, который, ... когда один офицер омского казачьего полка (Гр. Н. Потанин) попросил отпуск – ехать учиться в Петербургский университет, возразил: «Зачем вам университет – вы от меня всё можете узнать!» В соответствии с этим находилась и гимназия – «умственный и нравственный её уровень был очень низок», хотя она «была в то время одною из лучших сибирских гимназий» [1, с. 11]. Позже И. А. Худяков делает горькое признание: «Без сомнения, убийству моих умственных и физических сил всего более содействовала гимназия... выпустила на белый свет физическим и умственным скелетом, и за такие успехи наградили меня золотой медалью». За пять проведённых в гимназии лет Худяков шёл первым учеником, ра-

ботая не менее 10 часов в сутки не только для того, чтобы приготовить свои уроки, но и сделать переводы за товарищей и учеников низших классов, помочь им по математике, для чего он составил даже учебник алгебры... Как на одно из светлых явлений гимназии он указывает, да и то мимоходом, на инспектора её П. П. Ершова, автора «Конька Горбунка» [1, с. 12].

Интересуясь физикой и астрономией, тем не менее, И. А. Худяков под влиянием профессора Варенцова, «подметившего на экзамене в новом абитуриенте будущую силу», поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. Целый год напряженных занятий сказался на здоровье глаз студента. К этому времени его интерес обращается к мифам и сказкам. По выздоровлению И. А. Худяков в надежде «найти побольше науки», переводится в Московский университет.

Как свидетельствует А. В. Адрианов: «Худяков, со свойственными ему упорством и необычайным трудолюбием, предавался чтению, составлению лекций и изучению словесности, а кроме того, чтоб не быть в тягость отцу стал хлопотать о заработке; с этою целью он составил «Сборник народных песен для юношества» [1, с. 16].

«Предлагаемый сборник, – написал И. А. Худяков в предисловии, изданного в 1860 году „Сборника великорусских народных исторических песен“, – мог бы служить, по моему мнению, не только книгой для детского чтения, но и для первоначального знакомства с русской историей. Представляя впечатлительные и дышащие современностью, вызывающие сочувствие и соответствующие развитию детей рассказы, он и в этом последнем отношении может принести для них более пользы, нежели сухой и сжатый учебник, который тотчас после экзамена забывается... Как грамотные люди читали о родной старине в летописях, хронографах, житиях святых, так с неменьшею для себя пользою простой народ питался и досель не перестаёт питаться национальными силами исторических преданий в своих исторических былинах» [2, с. III–V].

Оглавление сборника песен является, по сути, хронологической историей Руси, начиная с X века: «Волх Всеславич», «О женитьбе князя Владимира», «Поездка Ильи Муромца в Киев», «Василий Буслаев», «Татарский полон», «Взятие Казани», «Свадьба Грозного», «О кончине Иоана», «Гришка Растрига», «Стенька Разин», «Поход на Азов», «Царь Пётр Алексеевич», «Француз с армией валит»...

«Не могу умолчать о том, – пишет И. А. Худяков, – что с точки зрения собственно литературной, былины несравненно выше всевозможных

учебников и для народа в неразвитом, бессознательном, поэтическом периоде развития – они служат единственным и самым популярным средством к поддержанию и укреплению национальных сил развитых в народе его историей» [2, с. IV–V].

Восемнадцатилетним юношей Худяков выступает на литературное поприще и обращает на себя внимание печати.

В 1860 году выходит ещё один сборник – «Великорусские сказки», собранные И. А. Худяковым и изданные в московской «Типографии

о
В. Грачёва и К.». 37 народных сказок, 2 саги и рассказ о ведьме были записаны в городах Тобольске, Казани, Москве и в с. Жолчино Рязанской губернии. Лучшими собиратель считает сказки «Мужик и Настасья Адовна», «Иван Дорогокупленный», «Иван Царевич и Марья Маревна», также «замечательна сага о русском». Худяков сетует на то, что некоторые обстоятельства не позволили напечатать многие интересные сказки из собрания.

Продав первый выпуск «Великорусских сказок» за 150 руб., он в тот же день истратил 130 руб. на покупку немецких книг, а сам жил так бедно, что «по несколько дней случалось совершенно ничего не есть, а зимой, не имея тёплого платья, страдал от холода. Но он не унывал [1, с. 16].

Ободрённый успехом первого выпуска сказок, уехал он в деревню на рождественские каникулы и собрал материал для второго выпуска сказок, который появился в свет в начале 1861 г., а осенью того же года он издал и ещё книгу «Великорусские загадки» [1, с. 17].

Загадки были собраны в разных местах Великой России (в Московской губернии, Дмитровском, Рязанском, Зарайском уездах, в городах Москве, Казани, Тобольске, в сёлах Хорошилово, Жолчино...). Необходимость этой работы исследователь объяснил так: «Для разъяснения мифов, дошедших до нас в народном эпосе, необходимо, по нашему мнению, изучение загадок, потому что загадки в нескольких словах выражают миф с объяснением его (разгадкой)» [3, с. 3].

Проанализировав собранный материал, И. А. Худяков приходит к выводу, что загадки часто входят как составная часть в песни и сказки. «Есть много сказок, основанных на загадках. Из такого рода русских сказок особенно обращает на себя внимание сказка «Семилетка», сходная с Муромской легендой. В ней два брата ведут тяжбу из-за телёнка, и воевода задаёт им загадки: 1) Что всего быстрее? 2) Что всего жирнее? 3) Что всего милее на свете? Кто отгадает, того и телёнок. Отгадывается таким образом: 1) мысль, 2) земля, потому что

она производит всякие плоды, 3) сон, потому что во сне всякое горе забывается» [3, с. 5–6].

Нередко загадки встречаются и в песнях. Например, в одной великорусской песне сын гостинный загадывает девице семь загадок. Она разгадывает:

Краше света – красно солнце.

Чаще рощи – частые звёзды.

Выше леса – светел месяц.

Без коренья – горюч камень.

Без умолку – течёт река.

Без ответу – конь в стойле.

Без перемены – воля Бога [3, с. 6].

Ещё одно интересное наблюдение, что великорусские загадки любят рифму на «я».

Утка крякня.

Берег звякня.

Детки бегут,

По свечке несут. (Церковь)

Некоторые загадки разгадываются двояко или даже трояко. Например,

Без рук, без ног.

На гору ползёт?

Разгадывается и 1) ветер, и 2) тесто, и 3) бременность. Тоже должно сказать про перо, лист, пух и многое другое [3, с. 8–9].

Современному читателю некоторые загадки покажутся бессмысленными и неподдающимися разгадке. К примеру, загадка, записанная в с. Хорошилово Московской губернии Дмитровского уезда.

Брындя, брындя, не лази в пиндя;

Пиндя, кандя про кляндя [3, с. 40].

Можно найти следующее значение слов: брындой на Урале называют капризного, обидчивого человека; о девушке с таким характером пели в шуточной песне: «Стали к брынде свататься, стала брында прятаться», в некоторых говорах брында – бездельник, бродяга.

Тогда как канди – это подкормка для пчел, имеющая консистенцию теста.

Разгадка на самом деле такова:

Кошка, не лази в печку;

В печке кашка про гостя.

То, что раньше казалось таким естественным и понятным, в наше время ни с чем не ассоциируется.

Носила меня мать,

Уронила меня мать,

Подняли меня люди,

Понесли в торг торговать,

Отрезали мне голову;

Стал я пить

И ясно говорить.

Разгадка – перо.

Издание сборников не всегда приносило удовлетворение И. А. Худякову. С огорчением, он констатировал: «Ни одна новорожденная книга не могла появиться, не будучи общипанной цензорами. Если я считал текст сказок неприкосновенным наравне с текстом священного писания, то цензоры не только запрещали отдельные сказки, вычеркивали места, но и исправляли по своему народные выражения, иногда до того неудачно, что из целого рассказа выходила одна бессмыслица [1, с. 17].

Находясь в среде студенчества, Иван Александрович Худяков оказался подверженным антимонархическим настроениям молодёжи.

«По доносу, виновником которого считали известного слависта Буслаева, о распространении студентами книг, «опасных для тронов и алтарей», начались розыски зачинщиков, а с весны 1861 г. ввели столь стеснительные правила, что они вызвали общее негодование студентов и образованной части общества...» [1, с. 17].

Была составлена особая комиссия для розыскания зачинщиков антимонархических беспорядков, и по всему Петербургу начались обыски. Подверглась этой операции и компания сибиряков, живших на одной квартире. После отъезда Г. Н. Потанина и Ф. Н. Усова в Сибирь (в 1863 г.), в квартире остались трое – Н. И. Наумов и Н. М. Ядринцев в одной комнате и И. А. Худяков – в другой... Хотя обыск был произведён на основании доноса шпиона, потом отказавшегося от своих слов, и хотя при обыске ничего не нашли, Наумова продержали 2 ½ месяца под арестом [1, с. 22].

Яркими штрихами обрисовывает Худяков направление умов и цензуры в 1863–64 гг., пользуясь своими обширными наблюдениями. «Цензура всегда была и будет злейшим врагом литературы, а в это время она обязана была подводить каждую статью, каждую книгу под казённую формулу: здравия желаем, или рады стараться» [1, с. 23].

Женитьба не принесла Ивану Александровичу радости. «С этого момента Худяков считает конец своего счастья – он перестаёт быть самым собою, испытывая её капризы, неспособность быть помощницей, переносить лишения и т. п... Худяков удивляется противоположности его самого и жены и, как всегда, со всею ясностью своего ума, делает анализ. «Она обладала замечательной красотой, сильным, приятным голосом, полною свежестью сил... Наоборот, трудно было найти человека более невзрачного, как я, с более слабым голосом; в музыкальном слухе я мог бы позавидовать глухому; собачий вой отличается большим разнообразием и гармонией звуков, чем мое пение; и наконец, редко можно встретить человека с более истощёнными силами. Далее, моя жена всегда

одевалась, хотя просто, но со вкусом; я отличался совершенным презрением к костюму. Она беспрестанно, не оканчивая, перебегала от одних занятий к другим; я не мог успокоиться, пока не достигал заданной цели» [1, с. 25–26].

В августе – ноябре 1865 года И. А. Худяков побывал в Швейцарии и встречался там с А. И. Герценом и Н. П. Огарёвым. За границей он пробыл недолго, признав делом трудным писать популярные книги для русского народа вдали от родины. Он вернулся в Петербург и сейчас же уехал в Москву.

«Будучи талантливым учёным, Худяков, вместе с тем, страстно отдавался революционному делу. Вскоре он связался с московским кружком студенческой молодежи, во главе которого стоял Н. А. Ишутин. Позднее в своих воспоминаниях Худяков тепло отзывался об участниках этого кружка, которые, по его словам, «большую часть отказались от всех радостей жизни и посвятили себя делу народного освобождения» [4, с. 210].

После покушения 4 апреля 1866 г. Дмитрия Каракозова на Александра II, Иван Худяков был объявлен вдохновителем теракта. В обвинительном заключении по делу каракозовцев говорилось, что Худяков – это «человек крайнего социалистического убеждения, враг существующего порядка, требующий преобразования государства в коренных его основаниях» [4, с. 210]. Однако суду не удалось установить причастность Худякова к покушению.

Из воспоминаний Ивана Александровича Худякова видно, что не только он, а и все близкие ему люди, привлечённые по делу Каракозова, были настроены против такого террористического шага; мало того, чутьём угадывая намерение Каракозова, они принимали все меры помешать этому, так как полагали, что такой шаг поведёт к гибели кружка и к крушению всем им дорогого дела.

И. А. Худякова обвинили в недонесении на московское тайное общество, приговорили к лишению прав состояния и ссылке на поселение в отдалённые места Сибири.

4 октября 1866 г. каракозовцев до свету подняли, напоили чаем, усадили на похоронные дроги и повезли на Голодай. Конница и пехота окружали шествие, охваченное толпой народа. На площади их взвели на эшафот и прицепили к столбам цепью.

«Пред нашими глазами, – вспоминал И. А. Худяков, – готовились повесить Ишутина, его закутали в какой-то белый мешок, накинули петлю на шею, причём он так согнулся, что совершенно походил на живой окорок. Это была возмутительная сцена! Его продержали в петле десять минут и потом уже объявили монаршее повеление. Мало-

душный человек мог бы помереть на его месте. После этой «церемонии» всех увезли с Голодая на вокзал и тотчас отправили в Нижний, а отсюда повезли, сломя голову, в тряских тележках, 12 арестантов, под конвоем двух жандармов на каждого» [1, с. 37–38].

7 апреля 1867 года Худяков был доставлен в Верхоянск. Здесь он оказался в положении гораздо более тяжёлом, чем осуждённые одновременно с ним его товарищи, находившиеся на каторге в Забайкалье. Там они были все вместе и могли поддерживать друг друга. Худяков же был одинок и, кроме того, крайне нуждался в материальном отношении [4, с. 211].

Прибыв в Верхоянск, И. А. Худяков полностью отдался научным исследованиям. Его деятельность здесь поразительна, её можно назвать подвигом. Особую ценность представляют написанные в то время Худяковым воспоминания, неизвестными путями доставленные в Женеву и опубликованные там в 1882 году. Кроме того, он составил описание Верхоянского округа и написал несколько статей на различные темы. В течение 14 месяцев он производил метеорологические наблюдения в Верхоянске и тем самым помог установить особое положение этого пункта, считавшегося до последнего времени полюсом холода. Сохранились материалы и о педагогической деятельности И. А. Худякова. Он сумел убедить местного исправника В. Иващенко в том, что в Верхоянске необходимо создать школу. Но просветительская деятельность И. А. Худякова этим не ограничилась. Ещё до открытия школы он занялся обучением детей.

С особой энергией учёный взялся за изучение якутского языка и фольклора. Уже к сентябрю 1867 г. он составил русско-якутский словарь, содержащий более 5 тыс. слов. [4, с. 212].

Жизнь Худякова в Верхоянске была очень тяжела. В продолжение четырех лет, до начала 1871 г., казна не отпускала никаких средств на его содержание.

Несмотря на суровые условия жизни на Крайнем Севере и полное одиночество, И. А. Худяков продолжал сохранять интерес к научным исследованиям, сознавал ценность своих трудов по якутскому фольклору и надеялся, что они будут опубликованы. В течение длительного времени рукописи находились в Якутске, тем не менее, администрация не уведомляла его, почему они не напечатаны. Таким образом, всякие надежды на плодотворную научную деятельность также исчезли. «Если Вас спросят: кто самый несчастный человек на свете? – отвечайте: тот, кто поставлен в бесконечно бессрочное бездействие и гниёт живо не от отсутствия сил и способностей, а от от-

существования возможности употребить их в дело», – писал И. А. Худяков своей матери 2 ноября 1869 года [4, с. 213].

Тяжесть положения, в каком он очутился в Верхоянске, тяжелые чувства и мысли, которые им владели, заставляли его, как он говорит в заключительном аккорде своих воспоминаний, «часто повторять мысленно желание Михайлова, обращенное к молодёжи России:

Будь борьба успешней ваша,
Встретить в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая нас!» [1, с. 40].

В начале 1871 г. Худяков тяжело заболел. С этого времени исправник неоднократно сообщал начальству о состоянии здоровья ссыльного. В марте 1872 г. он доносил губернатору: «Государственный преступник Иван Худяков по настоящее время находится в умопомешательстве, и временами помешательство его увеличивается, но особенных действий его никаких не замечено» [4, с. 213].

1. Мать И. А. Худякова Татьяна Александровна не раз обращалась к властям с просьбами перевести её сына в такое место, где бы он мог пользоваться медицинской помощью и её заботами. В начале 1874 г. она, наконец, добилась разрешения

на перевод сына в Якутск, но из-за весенней распутицы он был доставлен сюда лишь 31 августа. В Якутске И. А. Худяков пробыл до середины июня 1875 г., а затем его перевезли в Иркутск, где он и умер в больнице 19 сентября 1876 года. Так закончилась жизнь этого замечательного человека [4, с. 213]. Как писал сибирский просветитель Александр Васильевич Адрианов: «Одарённый выдающимися способностями, самостоятельный ум, стойкий, сильный характер, И. А. Худяков при его необычайном трудолюбии представлял такую крупную силу, для которой намечалось почётное место в ряду европейских ученых» [1, с. 2].

Список литературы

1. Адрианов А. В. Славный сибиряк И. А. Худяков. Санкт-Петербург, 1911. 40 с.
2. Худяков, И. А. Сборник великорусских народных исторических песен. Москва, 1860. 175 с.
3. Худяков И. А. Великорусские загадки. Москва, 1861. 116 с.
4. Шустерман С. С. Иван Александрович Худяков // Вопросы истории. 1961. № 11. С. 210–213.
5. Худяков И. А. Великорусские сказки. Москва, 1861. 148 с.

УДК 212:398.1(571.151)(=512.1)

DOI: 10.32340/2514-772X-2020-1-32-41

Л. Н. Мукаева, кандидат исторических наук, доцент
Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия)
larnika777@yandex.ru

СВЯЩЕННЫЕ ВОДЫ АЛТАЯ

Аннотация. В статье анализируется культ священных вод Алтая, как важнейшая составляющая сакрального и реального Алтая и в целом понятия «малой Родины». Для коренного населения Горного Алтая все водоемы: реки, озера, источники, аржаны священны. Им поклоняются, совершают моления, проводят обряды согласно многовековой практике. Такое понимание алтайцами священных вод своей земли пришло из глубины веков вместе с мифологией и древней верой – шаманизмом. Из всех рек Горного Алтая главной является Катунь – основной сакральный и мистический символ, играющий в историческом прошлом и настоящем важную роль в духовной культуре всех народов Алтая. В алтайской мифологии ей принадлежит само почётное место. С главной рекой Алтая связан и целый цикл легенд об алтайском созидателе-строителе Сартакпае. В статье доказывается, что священные воды – это символы тысячелетнего Алтая, его истории и культуры.

Ключевые слова: алтайская мифология, алтайцы – коренные жители Алтая, реки как образ Родины, мировой океан, родники, священные аржаны.

На карте Горного Алтая рисунок нескольких тысяч больших и малых рек и озёр образует причудливый узор, подобный линиям на человеческой ладони. Все реки Горного Алтая: большие и малые, а также озера связаны неразрывными ре-

альными, духовными и подчас мистическими узлами с людьми, издавна осваивавшими Алтайские горы: коренными жителями (северными алтайцами: кумандинцами, тубаларами, челканцами; южными алтайцами: алтай-кижи, теленгитами, теле-